

выше. Та концепция сверхдержавы, на которую претендуют США, есть утопическая идея, так как не соответствует открытому обществу. Оно может быть основано на идеях демократического союза, корпоративности и содружества открытых обществ, при-

мером которых может служить Евросоюз. Идея демократического союза открытых обществ не может быть основана на приоритетах национальных интересов сверхдержавы, которые демонстрируют миру США.

Литература

1. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992.
2. Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 7.
3. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л., 1974.
5. Хайек Ф.А. Претензия знания // Вопр. философии. 2003. № 1.
6. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001.
7. Сорос Дж. Новый взгляд на открытое общество. М., 1997.

В.И. Гидиринский

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ИДЕИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Московский гуманитарный университет им. Е. Дашковой

Русские философы исследовали и философски осмысливали историю России в контексте всемирной истории человечества, акцентируя особое внимание на проблеме «Восток – Запад», в чем и состоит существенный аспект специфики русской философии истории, но основные слагаемые и качественные характеристики философии истории России могут быть условно сведены к одной многосторонней, магистральной проблеме – проблеме «русской идеи».

Н.А. Бердяев определял русскую идею как *основную проблему русской теоретической мысли и публицистики*. «Русская мысль, – писал он в «Русской идее», – русские искания начала XIX и начала XX в. свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа» [1, с. 266].

И.А. Ильин, солидаризируясь, по сути, с Бердяевым, подчеркнул в статье «О русской идее», что «она не выдумана мною. Ее возраст есть возраст самой России» [2, с. 331]. В этой же статье Ильин определяет главное в русской идее: она выражает «русское историческое своеобразие и в то же время – русское историческое призвание», а также «... указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь...». Русская идея, по Ильину, – это *творческая идея России* [2, с. 322] (выделено нами. – В.Г.).

Эта важная и многосторонняя проблема, весьма актуальная для современной России, заслуживает спе-

циального рассмотрения, чем и занимаются сегодня некоторые ученые и публицисты (см., напр.: [3]).

Коротко скажем о дискуссии вокруг проблемы «русской идеи». Посвятив специальную главу спорам по этой проблеме в российской философии XX в., профессор Н.В. Мотрошилова, предваряя оценку этих споров, пишет: «“Русская идея” – понятие, с помощью которого можно, следуя за философами XIX–XX столетий, объединить целую группу тем и проблем, идейных течений и направлений дискуссий, которые в немалой степени определили картину развития российской культуры, в частности и в особенности философии»¹ [4, с. 301].

Чтобы объяснить причину столь острой полемики по данной проблеме, поставим обобщенно ряд вопросов, ответ на которые, видимо, волнует многих. Корректно ли *специально* писать и говорить о «русской идее» в такой многонациональной и многоконфессиональной (ведь в «русской идее» духовным стержнем является православие) стране, как Россия? Не усилит ли этот акцент сепаратистские тенденции в нашем Отечестве? Соотносима ли постановка проблем патриотизма, исторической миссии русского народа, исторического смысла существования России (важные компоненты «русской идеи») с критическим отношением и к русскому народу, ко всей России в целом (без такой критики нет *истинного патриотизма* – важнейшего компонен-

¹ О значимости этой проблемы для нашего времени образно и ярко сказал М.В. Назаров: «Русская идея приобретает сегодня особенное значение как единственная защита российского корабля в открывающемся бурном мировом океане» (Назаров М.В. Тайна России. Историософия XX века. М., 1999. С. 203–204). «Сегодня русская идея... приобретает всечеловеческий аспект... Ради этой цели стоит быть русским» (с. 211).

та «русской идеи»)? Не «затормозит» ли православная духовность в содержании «русской идеи» столь необходимое единение всех религиозных конфессий в России? Как совместить национально-историческую направленность «русской идеи», в которой наиболее ярко выражается самобытность русского народа, России в целом, с построением конструктивных отношений с народами Западной Европы, восприятием позитивных достижений западноевропейской культуры? Ведь не случайно идейное противостояние западничества и славянофильства по этой проблеме сохраняется более сотни лет, вплоть до наших дней, а определенная критическая направленность в адрес Запада – одна из характерных черт русской философии XIX–XX вв. (позитивное восприятие западноевропейской культуры, особенно философии, совмещалось с критикой). Наконец, русская идея не конституирована, не получила до сих пор закрепления ни в каких государственно-политических документах. Следовательно, не миф ли она?

Эти и другие вопросы обостряются еще и потому, что в современной России и на Западе сохраняется непонимание проблемы «русской идеи»; кроме того, она иногда опошляется, извращается, в частности ей инкриминируется крайний национализм, шовинизм, мессианизм, претенциозность с точки зрения теории «Москва – третий Рим», которая тенденциозно консервируется и абсолютизируется¹. «Русскую идею» подчас сводят только к русскому народу, предавая забвению ее общероссийскую направленность. В публицистике и некоторых СМИ сохраняются две крайности: либо абсолютизация «русскости» с неизбежным в этом случае логическим противопоставлением русского российскому, либо нивелирование «русскости», ведущее к «растворению» русского в российском.

Ответы на поставленные вопросы или хотя бы смягчение острых противоречий в трактовке «русской идеи» возможны лишь на базе специальных, глубоких исследований этой интегральной, но прежде всего философской, проблемы. Имеем ли мы такие исследования сегодня? К сожалению, подлинных специалистов в данной области очень мало, хотя поверхностных интерпретаторов множество. Более того, термин «русская идея» приобрел статус обиходного и начал употребляться произвольно, без глубокого знания проблемы, в газетных статьях, журнальных публикациях, устных и письменных

выступлениях публицистов и политиков. Поэтому мы вынуждены еще раз подчеркнуть: найти базовые, квалифицированные, фундаментально обоснованные ответы на поставленные вопросы можно прежде всего в русской философии главным образом XIX–XX вв.

«Русская идея» – это идея не только русского народа, хотя он и составляет 80 % населения России, и роль русского этноса в становлении и развитии нашего Отечества переоценить невозможно. В трудах русских мыслителей русская идея обращена и к русскому народу, и к России в целом, соответственно и к народам России.

Во-первых, мы находим подтверждение этому у П.Я. Чаадаева («Апология сумасшедшего»), с горечью и болью пишущего о судьбе *России*; А.С. Хомякова («О старом и новом»), который видит *Россию* с двух сторон – «она нас и радует и тешит, об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже со своими...» [6, с. 459]; К.Н. Леонтьева («О всемирной любви»), критикующего Ф.М. Достоевского за его идею о «земном (вселенском. – В.Г.) назначении *России*» [7, с. 170]; В.С. Соловьёва («Русская идея»), пишущего о вопросе, «затемненном предрассудками» и различными нелепостями, но «самом важном из всех» – «вопросе о смысле существования *России* во всемирной истории» [8, с. 219]; Н.А. Бердяева («Душа России»), подчеркнувшего сущностное для «русской идеи» положение о том, что «русское национальное самосознание», «русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку *России*, понять идею *России*², определить ее задачу и место в мире» [9, с. 8]; И.А. Ильина («О русской идее»), поставившего фундаментальный критериальный вопрос: в чем же сущность русской идеи? и ответившего на него: «...русская идея есть идея сердца», любящего свою Родину сердца, и в этом «главная сила *России* и русской самобытности» [2, с. 323].

Во-вторых, в трудах отечественных мыслителей о «русской идее» мы находим столь же яркие обращения к *русскому народу*, его национальному характеру и роли в судьбе других народов России, а также, и это весьма характерно для понимания проблемы «русской идеи», обоснование общности судьбы всех народов России. Для подтверждения приведем лишь несколько принципиальных оценок, оставляя для этого вопроса специальное место далее. Ф.М. Достоевский («Пушкин»), анализируя

¹ Один из главных противников русской идеи эмигрант А. Янов в книге «Русская идея и 2000-й год» (Нью-Йорк, 1988) не жалеет резко отрицательных, тенденциозных, клеветнических слов и оценок в адрес русской идеи. Ему вторит радиостанция «Свобода», которая в серии передач «Русская идея» извращает и опошляет и русскую историю, и русскую культуру, и главного субъекта русской идеи – русский народ (см.: Назаров М.В. Указ. соч. С. 210–211; [5, с. 144]).

² В «Русской идее» Н.А. Бердяев обосновал три уникальные черты русской истории: прерывистость, мучительность, потенциальность. Без учета этих черт не приблизиться к разгадке исторической тайны России, глубинной сути русской идеи. Об этих чертах, в принципе, писали Н.О. Лосский («Характер русского народа»), Г.П. Федотов («Национальное и вселенское»), И.А. Ильин («Наши задачи»).

феномен русской народности в творчестве А.С. Пушкина, выходит на оценку «силы духа русской народности». Он ее квалифицирует (оставим в стороне критику в адрес великого русского философа и писателя) как стремление «в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности... Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть и значит... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите». И далее Достоевский поясняет, что Россия «все эти два века... служила Европе... гораздо более, чем себе самой» [7, с. 144–145]. Заметим, что о служении России Европе в большей мере, чем себе самой пишет и наш современник А.И. Солженицын в работе «“Русский вопрос” к концу XX века» (см.: [3]). Однако Солженицын, охватив анализом 300 лет русской истории, дает этому «служению Европе» критическую оценку, а Достоевский усматривает в этом «служении» добрый знак, основание для будущего оздоровления Европы духом русского народа.

Теперь обратимся к другому русскому мыслителю – И.А. Ильину, также занимавшемуся проблемой «русской идеи». Он, как и Ф.М. Достоевский, писал об общности исторической судьбы русского народа, но не с народами Европы (к этому он относился весьма скептически), а с народами России, и это крайне важно для понимания сути «русской идеи». У Ильина много работ, посвященных именно этой проблеме. Приведем одно из ярких его суждений: «Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ... Тяжек наш крест. Не из одних ли страданий соткалась ткань нашей истории? И если мы, подчас изнемогая, падаем под бременем нашего креста, то роптать ли нам и хулить ли себя в час упадка, или молиться, крепиться и собирать новые силы?» Ильин называет и характеризует три «бремя России»: «бремя земли», «бремя природы» и «бремя народности». Суть третьего «бремени», по его мнению, в том, что в России огромное количество различных племен и наречий, что треть населения России не славяне, а шестая часть его имеет нехристианское вероисповедание. «Мы должны были, – писал Ильин, – принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем жизнь, дыхание и великую Родину... всех соблюсти, всех примирить, всем дать трудиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство» [10, с. 12–13].

Итак, «русская идея» интегрирует историософские проблемы, касающиеся России и русского народа. Интеграция эта носит объективный характер: ис-

тория России немыслима в отрыве от русского народа, как немыслимо возникновение и развитие русского народа, его национального характера вне исторической судьбы России. В этом суть «русской идеи», отправная точка ее рассмотрения. А рассмотрение это может идти по двум взаимосвязанным основным направлениям – «Россия» и «русский народ». И рассматриваются не просто Россия и не просто русский народ, но смысл существования России в мире, ее историческая судьба, миссия и роль в неразрывном единстве с местом и ролью русского народа в ее судьбе и судьбе всех ее народов.

Русский народ – главный субъект «русской идеи», а это означает, что именно ему промыслительно отведена доминирующая роль в создании, становлении, укреплении России как одной из великих держав мира. И в этом нет умаления других народов России, но есть определенная ходом истории объективная роль каждого из них и, конечно же, общность исторической судьбы.

Приведенные выше суждения Ф.М. Достоевского и И.А. Ильина о русском народе весьма позитивны, и подобных (однозначно положительных) оценок в русской классической и современной философии немало¹. Однако философско-историческая интерпретация проблемы «русской идеи» логически предполагает многосторонний анализ ее главного субъекта. В связи с этим обратимся к трем русским философам – Н.А. Бердяеву, Н.О. Лосскому и Г.П. Федотову. Известно, что Н.А. Бердяев, называя русский народ «поляризованным народом», значительное внимание уделял такой особенности русского народа, как антиномизм. При этом он связывал антиномизм народа с антиномизмом российского общества. В работе «Душа России»² Бердяев ищет разгадку тайны России, которая (здесь он солидарен с Ф.И. Тютчевым) «непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений» [9, с. 10]. Он считает, что «подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость» [9, с. 10]. Это весьма важно, по мнению Бердяева, ибо освобождает «русское самосознание от лживых и фальшивых идеализаций... и иноземного рабства» [9, с. 10].

Три антиномии выделяет Бердяев: «Россия – самая безгосударственная, самая анархичная страна в мире... Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа» [9, с. 11–12]. Это, по Бердяеву, тезис. А вот антитезис: «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики» [9, с. 13].

¹ Русский народ. Терминология, исследования, анализ. М., 2001.

² Работа «Душа России» включена в книгу Н.А. Бердяева «Судьба России» [9]. В комментариях и библиографии мы ссылаемся на «Судьбу России».

«Таинственное противоречие есть в отношении России и русского сознания к национальностям. Это – вторая антиномия, не меньшая по значению, чем отношение к государству. Россия – самая нешовинистическая страна в мире... русские почти стыдятся того, что они русские, им чужда национальная гордость и часто даже – увьи! – чуждо национальное достоинство» [9, с. 14–15]. Таков, по Бердяеву, тезис второй антиномии. «Но есть и антитезис, который не менее обоснован. Россия – самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства...» [9, с. 16].

Что же касается третьей антиномии, то ее Бердяев квалифицирует как противоречие между духовной свободой, засильем «странников, скитальцев и искаателей» и жуткой покорностью, отсутствием прав и достоинства личности, порабощением «религиозной жизни государством» [9, с. 21].

Из этих противоречий общества вырастают противоречия народа, которые, в свою очередь (так можно понять Бердяева), углубляют социальный антиномизм. Происходит, по логике рассуждений философа, взаимопроникновение российского противоречивого социума и русского народа. Об антиномизме последнего Бердяев пишет в труде «Русская идея», развивая положения этюда «Душа России»: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться. От него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть» [1, с. 43–44]. Конкретизируя свою обобщенную оценку, Бердяев называет эти противоположности (полярности) в «природе русского человека»: с одной стороны, смирение, отречение, с другой – бунт, требующий справедливости; сострадательность, жалостливость – возможность жестокости; любовь к свободе – склонность к рабству. Имеют место также противоречия между «эсхатологически-мессианской религиозностью» и внешним благочестием, между исканием Бога и воинствующим безбожием. В русском человеке могут совмещаться смирение и наглость, рабство и бунт [1, с. 44–45, 269].

Противоречия России и русского народа Н.А. Бердяев объясняет рядом причин: столкновением и взаимодействием двух типов мировой истории – Востока и Запада (Россия – огромный Восток-Запад, соединяющий два мира); соотношением бесконечности русской земли и русской души; соединением мужского и женского начал в русском национальном характере, превалированием в нем откровений и вдохновений и, как следствие, склонностью впадать в крайности [1, с. 44]. К этим причинам Бердяев присовокупляет и уникальные особенности русской истории – прерывность, потенциальность и

мучительность [1, с. 45–47], о которых упоминалось выше.

Перебрасывая мостик в современность, поставим вопрос: насколько актуален и прогностичен анализ Бердяева? На наш взгляд, попытка русского философа примерно в середине XX в. найти причины российских исторических бед и неурядиц, в целом объяснить «загадку России», о которой говорил еще П.Я. Чаадаев, органично вписывается в решение проблемы «русской идеи», трактованной рядом философов как выражение смысла существования России в мире, ее исторической судьбы и исторической миссии. Суждения Бердяева могут вызывать критику и несогласие по ряду моментов, однако они «проливают свет» на наше недавнее и современное социокультурное бытие. В минувшие десятилетия мы в полной мере ощутили антиномии, проанализированные Бердяевым, а в ряде случаев – превалирование определенных сторон этих антиномий. Мы познали и пережили прессинг тоталитарного бюрократизма и бездушной, антигуманной политики, прошли период воинствующего вульгарного атеизма, насаждаемого не только государственными органами, но и значительной частью народа, бывшего сотни лет православным (это ли не подтверждение антиномии между исканием Бога и воинствующим безбожием). Подтвердилось и мнение Бердяева о неустойчивости национального сознания русских, их дистанцировании от своего национального достоинства, о чем пишет наш современник А.И. Солженицын [5, с. 152–203].

Многостороннему исследованию русского народа посвятил ряд трудов один из крупнейших русских мыслителей Н.О. Лосский (1870–1965). Его книга «Характер русского народа», возможно, наиболее многопланова с точки зрения аналитического охвата многих качеств русского народа, а также в силу обобщения автором суждений о русском народе целого ряда русских философов. Так, оценивая религиозность русского народа, Лосский ссылается на Л.П. Карсавина, полагавшего, что существенный момент русского духа есть религиозность, что не исключает и воинствующего атеизма. Кроме того, русскому народу присуща «гениальная перевоплощаемость», способность перейти «от невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта» [11, с. 243–244]. Однако сам Лосский религиозность русского народа квалифицирует как «наиболее глубокую черту характера русского народа». Он полагает, что с христианской религиозностью русского народа связано «искание абсолютного добра, осуществимого лишь в Царстве Божиим» [11, с. 240, 254]. Другие свойства русских философ анализирует с учетом вышеназванного. Например, он доказывает способность русского народа к высшим формам опыта, в частности выделяет «высокое развитие нравственного опыта». Оно «сказывается в том, что все слои

русского народа проявляют особый интерес к различию добра и зла и чутко подмечают примеси зла к добру» [11, с. 257]. Русский человек, замечает философ, «часто грешит, но обыкновенно рано или поздно отдает себе отчет в том, что совершил дурной поступок, и раскаивается в этом» [11, с. 257]. Анализируя чувства и волю русского человека, Н.О. Лосский признает его недостатки, однако считает, что могучая сила воли, которую он относит «к числу первичных основных свойств русского народа», способна преодолеть эти недостатки [11, с. 263, 274]. Обосновываются Лосским и такие качества русского народа, как свободолюбие, доброта, даровитость, но вместе с тем и недостаток общей области культуры, нигилизм, хулиганство, жестокость [11, с. 274–280, 289–292, 304–320, 331–333, 338–352, 296–303].

Итак, многосторонность в исследовании русского народа Н.О. Лосским очевидна, так же как и направленность его анализа. Не отрицая многих недостатков у русских, он смещает акцент в сторону положительных их свойств. Характерно его замечание во «Введении» к книге. Суть его в том, что не следует отождествлять социально-психологическую оценку отдельного человека и народа в целом. «В своих заметках, – пишет ученый, – я буду иметь в виду душу отдельных русских людей, а не душу русской нации как целого или душу России как государства». Конкретизируя данное положение, Лосский отмечает, что он придерживается концепции «иерархического персонализма», согласно которому «каждое общественное целое, нация, государство и т.п. есть личность общего порядка, “симфоническая личность”, по выражению Л.П. Карсавина» [11, с. 238]. На наш взгляд, замечание Н.О. Лосского актуально как возможная методология, используемая в современном анализе характера русского народа.

Во многих своих работах Г.П. Федотов (1886–1931) искал «ключ» к разгадке России, специфики ее социокультурного и духовно-исторического развития по сравнению с Западной Европой. «...Мы стоим опять, как и сто лет назад, перед загадкой России, властно требующей своего разрешения...» [12, с. 59–60]. Эту «загадку» и «ключ» к ней Федотов искал в ментальности, духовном складе русского народа и в религиозном смысле «русской идеи». Тайны русского духа открывались ему опосредованно, а именно через постижение жизни русских праведников, мучеников и святых, в судьбах которых он увидел тайну русского народа в целом, его национальную идею и нравственный идеал (см.: [13]).

Русь, по Федотову, не погибла в многочисленных своих столкновениях, смутах, войнах благодаря устойчивым духовно-нравственным ориентирам в самосознании народа. Эти ориентиры, в частности сочувствие к невинно страждущим, дух милосердия и стремления пожертвовать своими личными благами «во имя други своя», были укоренены в рус-

ском народе благодаря русским святым [13, с. 46–50]. Заметим, что значительно позднее Федотова к аналогичным в принципе выводам пришел современный приверженец евразийского направления в русской философии Л.Н. Гумилёв (1912–1992). Он квалифицировал святых Древней Руси как пассионариев, благодаря которым Русь смогла выйти из инерционной стадии своего развития, выдержать столкновения с различными этносами и плавно перейти от угасающего древнеславянского этноса к великорусскому, сохранив единые культурные, духовно-нравственные ценности и ориентиры (см.: [14, с. 216–217]).

Отметим еще *три основных направления* концепции Федотова о будущем России (они разрабатывались философом задолго до падения коммунистического режима, которое он прогнозировал).

Первое направление – характер и главный путь возрождения России после выхода из коммунизма. «...Восстановление России, мыслимой как национальное и культурное единство, невозможно без восстановления в ней христианства, без возвращения ее к христианству как основе ее душевно-духовного мира. При всякой иной... религии это будет уже не Россия. Без религии – это не нация, а человеческое месиво, глина, из которой можно лепить все, что угодно...» [15, с. 43]. Федотов подчеркивал: «Нет ничего грустнее утилитарно-политического отношения к христианству. Но в православии дано нам религиозное освещение нации» [16, с. 461] и понимание «религиозного смысла национальной идеи...» [17, с. 447]. Выступая против «утилитарно-политического отношения к христианству» Федотов не был сторонником пассивной, созерцательной позиции христианства. Будущее России он связывал с таким его возрождением, которое сделает христианство общественной силой, способной решать «социальный вопрос». Этот вопрос, как считал философ, «сохраняет для нас всю ту же остроту», «для современного общества это загадка сфинкса, не разрешить которой значит погибнуть» [18, с. 59].

Мысли и идеи Федотова об активной роли христианства в решении социального вопроса в принципе созвучны, как мы понимаем, «Основам социальной концепции Русской Православной Церкви», принятым на юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 г. Смысл создания и написания этого документа, который «будет иметь историческое значение не только для Русской Церкви, но и для вселенского Православия», обусловлен тем, «что в условиях колоссальных исторических перемен, которые произошли в нашем обществе, да и в мире в целом, в конце второго тысячелетия, мы не можем ограничиваться отдельными заявлениями по злободневным вопросам... Сегодня, как никогда ранее, актуальна потребность народа Божия и все-

го общества в авторитетном соборном ответе Церкви на вызовы нового времени» [19, с. 3–5].

Второе направление концепции Г.П. Федотова о будущем России получило выражение в его программном обосновании конкретных путей решения хозяйственной и национальной проблем. Суть экономических проектов Федотова сводилась, во-первых, к методам решения земельного вопроса в посткоммунистической России и, во-вторых, к обоснованию места и роли государства в осуществлении экономических реформ. Федотов считал необходимым закрепить землю за крестьянством («Новый передел»), а затем реализовать государственное регулирование земельных отношений в многообразных формах. Он был сторонником частичной денационализации промышленности, подразумевая, что государство будет отдавать лишь то, с чем оно само не может справиться («И есть и будет»). В целом же Федотов был за жесткую экономическую политику государства. Всякие послабления в этой сфере чреватые, по его мнению, угрозой национальным интересам России. В посткоммунистический период весьма важна и «охранительная» национальная политика, без которой России грозит превращение в полуколониальную страну. Государство должно сохранить ключевые позиции в экономической политике, умело форсировать создание класса российских предпринимателей, «без которых немыслимо экономическое и культурное возрождение России». Многоукладная экономика, своеобразное сочетание инновационных приемов капиталистического и социалистического хозяйствования – в этом суть социально-экономической программы Федотова в посткоммунистической России (см.: [20]). Вряд ли требуется обоснование актуальности идей русского философа для сложившейся на рубеже XX и XXI вв. социально-экономической ситуации в России. Можно лишь поражаться прогностическому дару Федотова.

Третье направление прогностической концепции Г.П. Федотова также поражает своей актуальностью. Много десятилетий назад он предупреждал об «угрожающем значении сепаратизмов, раздирающих тело России». Еще в 1929 г. он пишет: «Казанским татарам, конечно, уйти некуда. Они могут лишь мечтать о Казани как столице Евразии. Но Украина, Грузия... рвутся к независимости. Азербайджан и Казахстан тяготеют к азиатским центрам Ислама» [16, с. 451]. Уже тогда Федотов говорит о «глубоком корневом заболевании», подкрадывающейся к «великороссам». «Они жалуются на все: на голод, бесправие, тьму, только одного не ведают, к одному глухи: к опасности, угрожающей их национальному бытию». В «этом странном омертвлении», в глубокой болезни «одинаково повинны три главнейшие силы, составляющие русское общество, – интеллигенция, власть и сам русский народ». Федотов четко определяет болезнь: «вы-

ветривание», а затем «разложение» национального сознания и в итоге – «национальное крушение». Предсказывая ход событий, Федотов замечает: «... момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время является и моментом величайшей опасности. Оно, несомненно, развяжет... подавленные сепаратистские тенденции некоторых народов России...» [16, с. 452–453, 455].

Сегодня, читая, например, А.И. Солженицына, мы находим подтверждение пророчества Г.П. Федотова и в отношении создания кадров националистов в итоге «ленинской национальной политики», и в отношении крушения этой национальной политики. «Мы, – пишет Солженицын, – в национальном обмороке, наше национальное сознание впало в летаргию. Мы еле-еле живы между глухим беспамятством позади и грозно маячащим исчезновением впереди» [5, с. 114, 117, 156].

Однако Федотов в те далекие годы, предвидя возможное крушение национального сознания русского народа и угрозу целостности России от сепаратизма, все же верил в ее возрождение. Он наметил конкретные шаги в национальной политике России, которые могли бы ее спасти и от проявлений сепаратизма, и от крушения национального сознания русского народа (см.: [15, с. 117, 198, 210, 228]). «До сих пор мы говорили об опасностях, – резюмировал Федотов. – Что можно противопоставить им, кроме нашей веры в Россию? Есть объективные факты, точки опоры для нашей национальной работы – правда, не более чем точки опоры, ибо без работы, скажу больше – без подвига, – России нам не спасти» [16, с. 454].

Другой крупнейший русский философ И.А. Ильин (1883–1954) близок, на наш взгляд, Г.П. Федотову и с точки зрения поразительно точных пророчеств, и в плане предложенных им конструктивных социокультурных и духовно-нравственных мер по возрождению и спасению России, что также свидетельствует о вере в ее будущее. Прежде всего скажем о пророчествах Ильина, его прогнозах в отношении угроз будущему России. Они присутствуют во многих его работах, но более всего – в статьях 1948–1954 гг., объединенных названием «Наши задачи». События последнего десятилетия XX в., вхождение России и мира в целом в XXI в. подтверждают прогностические оценки Ильина, в частности его предположения о целенаправленных тенденциях «обессиления» и «расчленения» России (он, как и Федотов, имел в виду посткоммунистический период), в сущности, о попытке «ликвидации исторически-национальной России», осуществляемой ее различными недругами. Среди способов, к которым они будут при этом прибегать, Ильин называет те, очевидцами которых мы сегодня стали. Поскольку, пишет он, ««крестовые походы» против русского народа невозможны» и «на костер его не возведешь», то остается «повергнуть

его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия». При этом «железной метлой вымести Православие в мусорную яму истории» [21]. Ильин подчеркивает, что не умно ждать от неприятелей доброжелательства. «Им, – пишет он, – нужна *слабая* Россия, изнемогающая в смутах... и в расчленении. Им нужна Россия *с убывающим народонаселением*... Им нужна Россия *безвольная*, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволении, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию... ни построить необходимый флот» [21, с. 203].

Предвидел Ильин и такой способ разрушения России, как «овладение русским народом через *малозаметную инфильтрацию его души и воли*, чтобы привить ему под видом “терпимости” – безбожие, под видом “республики” – покорность закулисным манованиям и под видом “федерации” – национальное обезличение» [21, с. 203]. Особое место в гипотетических предупреждениях Ильина занимает указание на стремление недругов России расчленить ее. Ряд статей (5) так и называются: «О расчленителях России», «Что сулит миру расчленение России». В последней статье Ильин глобализирует возможный вариант расчленения России, связывая его с судьбой всего человечества. При всей высокой степени гипотетичности своих рассуждений русский философ действительно обращает внимание на недомыслие некоторых соотечественников и на обывательскую ограниченность недругов России, не понимающих, чем является Россия для всего мира. Он подчеркивает, что если расчленение России приобретет масштабный характер, то «в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира... будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства... Россия превратится в гигантские “Балканы”, в... источник войн, в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран... Расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира» [21, с. 327].

Таковы лишь некоторые пророчества И.А. Ильина. Позволим себе прокомментировать их. *Во-первых*, некоторые из представленных пророчеств могут вызывать ощущение трагической безнадежности, пессимизма в отношении будущего России. Однако в контексте

богатого наследия философа пессимистические прогностические соображения не являются доминантными. Большая часть его работ содержит богатейший философско-исторический материал о позитивном будущем России. *Во-вторых*, Ильин стремился убедить и предостеречь россиян, вооружить их такими конструктивными и реальными прогнозами, которые должны быть учтены руководителями и рядовыми гражданами страны. *В-третьих*, и это, пожалуй, самое главное, события последнего времени в принципе не противоречат предвидению великого русского философа, которого, как мы полагаем, читают и знают, особенно те, кто облечен властью. Для подтверждения обратимся лишь к отдельным прогнозам. Разве в оценке глубинной, сущностной направленности Европы и США в отношении к России Ильин не прав? Разве последние десятилетия XX в. и начало XXI в. не подтверждают скрытое и явное навязывание Западом столь пагубной для России западно-европейской и американской модели рыночной экономики? Разве не ощущаются попытки привить россиянам «ценности» западной культуры; экспансия католицизма, направленная против православия, далеко не исчерпывающаяся разгромом православных святынь в Украине и масштабным католическим миссионерством, органично вписывающимся в курс на ослабление России, определенный еще законом Конгресса США PL 86–90 от 1959 г.¹; подчеркнутое игнорирование мнений и предложений России при проведении США ряда международных военно-политических акций и т.д.? Как кстати вспомнить сейчас знаменитый тезис Ильина из его работы «О национальном призвании России»: «...Запад нас не знает, но особенности наши признает; в чем эти особенности – не знает, в нашей истории и в нашей культуре не разбирается; но о нас, о России, о ее народе, о его судьбе – судит, рассуждает; и за нас, и *без нас решает*» [22, с. 373].

Конечно, в связи с трагическими событиями в США 11 сентября 2001 г. и в России в октябре 2002 г. правомерно поставить вопрос: не снимает ли вышеназванные негативные прогнозы Ильина и их подтверждение спустя почти 50 лет начавшая складываться консолидация России, США и Европы в борьбе против мирового терроризма? Ведь это не конъюнктурно-эпизодическая консолидация, а глобально-стратегическая, беспрецедентная в мировой истории. Мы выскажемся по этому факту осторожно и гипотетически: трагизм ситуации, пробудивший тенденцию к сплочению государств, при всем его уникальном характере все же не может расцениваться как единственный событийный взрыв в мировой истории. Это не единственный, несмотря на его траги-

¹ А.И. Солженицын, упомянув об этом законе, подчеркнул: «Сей закон откровенно направляет Америку не против коммунизма, а – против России! (И сегодня он действует; не отменен Конгрессом... В этом антирусском направлении годами действовала и радиостанция «Свобода», финансируемая Конгрессом и по сей день)» [5, с. 30–31].

ческую новизну и непредсказуемость, катаклизм мирового масштаба, стимулирующий народы к консолидации. Угроза миру со стороны германского фашизма, например, с его планами тотального истребления так называемых неполноценных рас (их миллионы, по раскладу вождей Третьего рейха), а также стремление к мировому господству суперталитарной и архиреакционной системы сплотили, особенно в конце Второй мировой войны, народы и целые континенты. Однако вскоре произошло обострение старых противоречий в мировой системе и возникли еще более острые новые противоречия. Консолидация, казавшаяся мощной и нерушимой, рухнула, как картонный домик. Любые исторические аналогии всегда небезупречны, а подчас и опасны. И все же позволим себе резюмировать: начавшая складываться в начале XXI в. международная консолидация для борьбы с терроризмом не отменяет тех глубинных стратегических противоречий между Россией и Западом, о которых писали многие русские философы почти два века и которые дали почву и основание для приведенных выше пророчеств Г.П. Федотова и И.А. Ильина.

Для полноты воспроизведем некоторые позитивно-прогностические идеи И.А. Ильина о будущем России. Обратимся к двум его работам (обе называются «Очертания будущей России»), написанным в апреле 1951 г. В них не только сконцентрированы философско-футурологические суждения Ильина, носящие концептуальный характер, но и представлены весьма важные программно-стратегические положения, актуальные для современной России.

Во-первых, Ильин предупреждает: «Когда пытаешься всмотреться в очертания будущей (посткоммунистической. – В.Г.) России, то чувствуешь прежде всего, до какой степени черты ее закрыты мглою революционного хлама и до какой степени необходима осторожность в суждениях о русском будущем!» [21, с. 444–445]. Конкретизируя огромную сложность, которая неизбежно возникнет после выхода (относительного) из коммунизма, Ильин с горечью и сожалением констатирует: «Прежней России нет. Это был исторически сложившийся *организм*, выросший в борьбе с природой и врагами, в лишениях и страданиях... Креп и богател столыпинский и столыпинский крестьянин-собственник. Умственно рос и креп рабочий. Развивалась промышленность высокого качества. Отбирались и крепили интенсивные помещичьи хозяйства, тогда как отсталые распродавали свою землю крестьянам и оставались культурными гнездами в крестьянском океане. Слагался и креп русский национальный капитал. Расцветала могучая кооперация. Море просвещения изливалось во все слои народа. Интеллигенция изболевала соблазнами безбожия и слепой оппозиционности. Суд был идейный, честный и неподкупный. Отдельные отрасли управления – как

коннозаводство, уголовный розыск и военная разведка – далеко опередили Европу» [21, с. 446]. О российском чиновничестве (Ильин приводит оценку берлинского ученого профессора Зеринга. – В.Г.) читаем: «...это европейская образцовая демократия: люди идейные, убежденные, знающие, честные, инициативные; любая страна могла бы позавидовать такому kadру... Все это было (резюме Ильина. – В.Г.), и всего этого нет» [21, с. 446].

Ильин был не только философ, но и крупнейший русский ученый, исследователь-историк и блестящий юрист-государствовед, поэтому, с нашей точки зрения, его обобщенная характеристика предвоенной и предреволюционной России является научно и исторически достоверной, какие бы отрицательные эмоции она ни вызывала у тех наших соотечественников, которые тоскуют по России последних семидесяти с небольшим лет, а не по тысячелетней расцветавшей в начале XX в. России.

Мысли Ильина о том значительном, что у нас было и чего уже нет, об огромных сложностях, которые нас посетят после выхода из коммунизма, получили подтверждение и развитие в творчестве А.И. Солженицына. В книге «Россия в обвале» он пишет: «Мы стряхнули с себя коммунизм, но это позднее освобождение обошлось нам еще новыми утратами – так что и заколебалось наше будущее. Не закроем глаз на глубину нашего национального крушения... Мы в предпоследней потере духовных традиций, корней и органичности нашего бытия. Наши духовные силы подорваны ниже всех ожиданий» [5, с. 159].

Во-вторых, Ильин выражает чрезвычайно важную в идейно-методологическом отношении мысль о субстанциональной основе любых преобразований в будущей России. «Помышляя о грядущей России, – пишет он, – и подготавливая ее в мыслях, мы должны *исходить* из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов». Будто предчувствуя антинациональную, пагубную политику начала 90-х гг. XX в., категорично и веско предупреждает: «Мы не смеем – ни торговать ими (основами и интересами. – В.Г.), ни разбазаривать наше общерусское, общенародное достояние. Мы не смеем обещать от лица России *никому, ничего*. Мы должны помнить ее и только ее. Мы должны быть верны ей и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России как поколение дряблкое и предательское» [21, с. 440–441].

В-третьих, Ильин предвидел и понимал, что возрождение России объективно потребует от ее политического руководства определенных компромиссов, которые «в будущем неизбежны». Однако философ подчеркивал, что эти компромиссы должны быть сведены к минимуму и что «их найдет и установит будущая российская государственная власть» [21, с. 440–441]. При этом Ильин уточняет суть полити-

ческого компромисса: он «есть уравнивающая взаимная уступка двух сил, ищущих взаимного и совместного равновесия» [21, с. 440–441]. Применительно к нашему времени речь, естественно, должна идти прежде всего о компромиссах в связи с взаимоотношениями России и Соединенных Штатов Америки, России и Западной Европы. Вряд ли требуются особые доказательства для обоснования грубого нарушения принципа «взаимного и совместного равновесия» в последнее десятилетие XX в. Компромиссов в экономической, социокультурной, военно-политической областях в России было немало. По большому счету это были даже не односторонние компромиссы, а предательство национальных интересов России, которое может привести к утрате ее статуса как великой державы в мировом сообществе. Мы не будем подробно говорить об этом хорошо известном факте, выразим лишь надежду на восстановление в предстоящие годы указанного выше «принципа равновесия», без чего возрождение России не состоится.

В-четвертых, через многие работы И.А. Ильина красной нитью проходит идея «национального самосостояния» России, которое он усматривал в ряде фундаментальных устройств: в «полной духовной независимости»; в «новом русском строе, новой государственной России», основанной «на творческой новизне»; в недопустимости слепого копирования и заимствования, в стремлении России «самой создать и выковать свое общественное и государственное обличие», такое, которое ей «исторически будет необходимо, которое будет подходить только для нее и будет спасительно именно для нее; и она должна сделать это, не испрашивая разрешения ни у каких нянек и ни у каких соблазнительей или покупателей» [21, с. 255, 443].

Наконец, нельзя не упомянуть о рекомендации Ильина не торопиться с введением в будущей России демократии. Ильин считал, что «если что-нибудь может нанести России, после Коммунизма, новые тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании – демократический строй». Он поясняет причину такой опасности: «...ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность и всплывание на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов...» [21, с. 448–449].

Попробуем прокомментировать это, на первый взгляд парадоксальное, утверждение Ильина. Возможно, кто-то посчитает философа реакционером. Кто-то задаст закономерный вопрос: что же, если не демократию, строить после выхода их тоталитаризма? Найдется немало и таких оппонентов Ильину, которые усомнятся в его искренней любви к России и конструктивной заботе о ее возрождении именно

после выхода из тоталитаризма. Нет ничего проще, чем механически и абстрактно соотнести Россию, истерзанную тоталитаризмом, и Россию, процветающую в демократическом комфорте. И вряд ли, наблюдая успешный демократический опыт многих стран Востока и Запада, можно выступать, тем более столь категорично, против движения России по этому пути. Однако все дело в том, что Ильин в принципе не против демократии в России, хотя он ее не идеализирует и не абсолютизирует, а против ее поспешного установления.

Во-первых, он не рассматривает плюсы и минусы демократии, а говорит о неготовности (длительной) посткоммунистической России к демократическому устройству. «Подрыв» необходимых предпосылок демократии не квалифицируется Ильиным как необратимый процесс. Следовательно, принципиальная перспектива демократии в будущей России не отрицается им. Что же касается неготовности сегодняшней России к подлинной демократии, то с этим, на наш взгляд, трудно не согласиться. И буйство преступной «черни», и подкупность, и продажность, и множество других антисоциальных и антиморальных форм поведения определенной части не только рядовых людей, но и представителей высших эшелонов власти – все это сегодня реальность. За последние 10 лет описанием и анализом этих форм поведения занимались практически все средства массовой информации, не говоря уже о солидных исследованиях публицистов и ученых, в результате чего появился термин «псевдодемократия».

Во-вторых, Ильин – выдающийся юрист и государствовед – не считал демократию наилучшим устройством для России. В работе «От демократии к тоталитаризму» и ряде других произведений он воздавал должное наряду с демократической авторитарной форме государства. «Авторитарный строй, – писал Ильин, – не исключает народного представительства, но дает ему лишь совещательные права: глава государства (единоличный или коллективный) выслушивает советы народа, но правит самостоятельно». И далее он аргументирует и конкретизирует этот тезис применительно к России. «Наша страна политически сложилась, окрепла и культурно расцвела при авторитарной форме государства», поэтому неверно считать, что «всякое отступление от демократии в сторону авторитарного строя приближает народ к тоталитаризму» [23, с. 114–117]. Здесь необходимо заметить, что многие из нас дезориентированы интерпретацией термина «авторитаризм» в энциклопедических словарях и другого рода справочниках. В них дается односторонне-негативное и поверхностное пояснение этого явления как бесконтрольного единовластия одного лица, режима беззакония, как игнорирования прав и свобод граждан и т.п. (см.: [24]). Более точная, многоплановая, типологическая трактовка авторитаризма дана не только

Ильиным (см., в частности, его работу «О государственной форме»), но и рядом западноевропейских мыслителей (см.: [25, с. 123–159]). Ильин же в вышеназванной работе дает современному государственному политику философско-методологическую рекомендацию: «Каждому народу причитается... *своя особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему*. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным» [23, с. 48]. Не вдаваясь в политологические рассуждения, выскажем только одно соображение в связи с рекомендацией И.А. Ильина. Нам представляется, что в России 90-х гг. XX в. постоянно чередовались две основные государственно-политические тенденции: слепое заимствование и подражание и попытки (эпизодические) «встать на собственные ноги». Превалирование первой тенденции сопровождалось таким объемом всем очевидных негативных социально-духовных последствий, что какие бы то ни было комментарии излишни. Остается верить и надеяться (вместе с Ильиным), что специфический для России баланс будет все же найден и ее возрождение состоится.

В качестве резюме попытаемся выделить некоторые сущностные слагаемые русской идеи.

1. Русская идея отражает и выражает смысл существования России в мире, ее планетарную миссию и место в системе мировых цивилизаций.

2. Русская идея выражает воззрения на судьбу России, особенно ее будущее, в контексте уникальной героической и трагической ее истории.

3. Русская идея олицетворяет место и роль русского народа в создании, развитии России и в целом в ее судьбе. Русский народ со всеми своими национально-психологическими чертами выступает как доминантный субъект русской идеи, заключает в себе тот особый, не имеющий аналогов у других народов, духовно-нравственный потенциал, неоднократно реализовывавшийся в истории России и дающий нам надежду на оптимистичную перспективу русского ренессанса.

4. Русская идея – это идея не только о России и русском народе. Она выражает объективно сложившуюся в течение столетий общность исторической судьбы русского народа и других народов России. Эта общность базируется на социально-этнических, конфессионально-исторических (историко-религиозных) и геополитических факторах. России нет и быть не может вне содружества российских народов, как немислимо и бытие этих народов вне России.

5. Все отмеченное выше синтезируется в таком феномене и отражающем его понятии, как общенациональное сознание и самосознание (общественное сознание) русского этноса и неразрывно связанных с ним других этносов России. Общественное созна-

ние российских народов не может не объективироваться в российской культуре, являющейся важнейшим слагаемым русской идеи.

6. Религия и теология, в принципе, входят органически в культуру, прежде всего духовную культуру, любого народа. Православное христианство и православное богословие вместе с другими конфессиями и конфессиональными учениями, органично вписываясь в российскую культуру, не просто одухотворяют русскую идею, но являются ее духовно-нравственным базисом. Именно он способен стать генератором возрождения, которого ждут народы России.

7. Русская идея фокусирует в своем содержании не только внутренние процессы российского социокультурного и государственно-политического развития; начиная с эпохи Средневековья и до наших дней русская идея и ее интеллектуальные выразители неизменно обращали самое серьезное внимание на отношения России и ее народов с другими народами и государствами мира. При этом неизменным эпицентром была и остается проблема «Россия – Запад». Вне того или иного ее решения невозможно совершенствоваться, продолжать строить «русский корабль».

Представленные нами некоторые слагаемые русской идеи исследовались и освещались в той или иной степени и в различных интерпретациях и объемах отечественными мыслителями, прежде всего философами, литераторами, историками. Эти слагаемые можно условно квалифицировать как концептуально-теоретический уровень в содержании русской идеи. Это наше отечественное культурологическое наследие, несмотря на смену эпох и социально-политических систем, не стареет и тем более не уходит в небытие. Наоборот, с учетом определенной коррекции оно сохраняет свое мировоззренческо-концептуальное значение. Более того, при разработке общероссийской национально-государственной идеи (а это неизбежно произойдет, ибо без национальной идеи, обладающей мощной консолидирующей функцией, народы Российской Федерации жить долго не смогут) представленные выше слагаемые русской идеи могут стать (и мы убеждены – станут) ее ядром.

В содержании русской идеи наличествует также и эмоционально-психологический уровень. Не случайно И.А. Ильин называл русскую идею «идеей любящего сердца». Эмоционально-психологический уровень русской идеи предполагает *любовь* к своему Отечеству, *веру* в свой народ, осознание его вклада в мировую культуру и основанное на этом *чувство национального достоинства*. Все это заключается в обозначенном уровне содержания русской идеи. Однако достаточная полнота этого уровня возможна лишь при условии дополнения названных социальных чувств осознанием грехов и слабостей своего Отечества, его исторических ошибок и просчетов, национально-психологических недостатков своего народа, болью и горечью от этого и, конечно же,

стремлением способствовать хотя бы в минимальной степени духовному оздоровлению России. В таком социально-нравственном комплексе и заключа-

ется истинный патриотизм. Поэтому русская идея является всегда персонифицированным феноменом, по крайней мере, такой она должна быть.

Литература

1. О России и русской философской культуре. М., 1990.
2. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948–1954 годов: В 2 т. Т. 1. М., 1992.
3. Русская идея: Словарь / Авт.-сост. М.А. Маслин. М., 1992; Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века // Новый мир. 1994. № 7; Шафаревич И.Р. Русский народ на переломе тысячелетий. М., 2000; Назаров М.В. Тайна России. Историософия XX в. М., 1999; Большаков В.И. Грани русской цивилизации. М., 1999.
4. История философии: Запад–Россия – Восток. Кн. 3. М., 1998.
5. Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998.
6. Хомяков А.С. Соч.: В 2 т. Т. 1: Работы по историософии. М., 1994.
7. Русская философия: Словарь // Авт.-сост. М.А. Маслин. М., 1995.
8. Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989.
9. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
10. Ильин И.А. О России. М., 1991.
11. Цит. по: Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
12. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1. СПб.; София, 1991.
13. Федотов, Георгий. Святые Древней Руси. М., 1990.
14. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1989.
15. Федотов Г.П. О национальном покаянии // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 2. СПб., 1992.
16. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. М., 1990.
17. Федотов Г.П. Национальное и вселенское // Там же.
18. Федотов Г.П. Социальный вопрос и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991.
19. Церковь и мир: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000.
20. Волгогонова О.Д. Г.П. Федотов о судьбе России. М., 1997.
21. Ильин И.А. Наши задачи. М., 1993.
22. Ильин И.А. О расчленителях России // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1998.
23. Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1992.
24. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
25. Поппер К. Открытое общество и его враги: Соч.: В 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. М., 1992.

Й. Подгорецкий

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И КОНЦЕПЦИЯ

Опольский унаверситет, Польша

Толерантность (терпимость) присуща своеобразному моральному канону каждого современного человека. Она стала своеобразным ключевым словом нашего времени. И в этом нет ничего неожиданного, поскольку у каждой эпохи и даже у каждого поколения есть свой набор фундаментальных понятий. Данная проблематика хорошо представлена в обширной философско-этической, психологической и социологической литературе. Бросается в глаза разительная диспропорция между множеством решений и теоретических положений на тему самого понятия толерантности, множеством высказываний, посвященных проблеме толерантности, с одной стороны, и постоянно растущим количеством эмпирических данных, иллюстрирующих факты из области толерантности, и тех данных, которые объясняют механизмы возникновения такого явления, как толерантность, терпимость.

Легко заметить, что понятие «толерантность» развивается, приобретая по мере развития новые значения. В определенные периоды и в связи с социальными, политическими и идеологическими изменениями

толерантность становилась осью главных событий, а потому и предметом особого интереса. Для того чтобы понять эволюцию этого понятия, мы в наших вводных определениях ограничимся прежде всего дефинициями или констатациями, восходящими к своего рода классикам данной проблематики. Для наших целей они представляются и основательными и достаточными.

Следует подчеркнуть, что термин «толерантность» имеет массу разных определений, причем он представляется не аксиологически нейтральным, а имеет ценностную окраску. Термин «толерантность» восходит к латинскому «tolerantia», что означает признание права других иметь взгляды, вкусы и т.п., отличные от взглядов оценивающего, однако при этом он не включает реакционных, антигуманистических или просто преступных идей [1].

Говоря о толерантности, мы можем иметь в виду определенные исторические события и их социально-политический подтекст, в котором понятие «толерантность» относилось главным образом к рели-